

К 100-летию со дня рождения Б. Л. ПАСТЕРНАКА

МНЕ НРАВИТСЯ смотреть в его узкое, продолговатое лицо. Открытое. Волевое. И гордое. А потому — красивое.

Мне нравится слушать каждую его строку. Взахлеб читать письма, в которых столько мысли и чувства. Пусть они и предназначены не мне. Но удивительно добрые, умные, источающие любовь к человеку. А потому — близкие.

Мне нравится думать о нем. О таком сложном и не до конца понятном. Соединившем в себе поэта, прозаика, философа, композитора, переводчика «Фауста» и почти всего Шекспира. (И как умещалось столько талантов в одном человеке?). Подчинившем себя одной единственной цели: своим искусством сделать жизнь теплой и человеческой. Глубоко убежденном в том, что искусство — это бессмертие жизни. И в истине: то, чего не коснулось искусство, обречено на смерть.

Стыдно, но раз в жизни я оказалась недостойной той любви. Это случилось в выпускном классе, когда, выбрав свободную тему, написала сочинение о Борисе Пастернаке — поэте и гражданине. Через день учительница отозвала меня в сторонку и тихо сказала: «Как же ты могла такое написать? Разве ты не знаешь о его предательстве по отношению к революции, народу? О том, что он исключен из Союза писателей?». И, даже не дав возможности что-либо сказать в ответ, вернула тетрадь: «Перепиши. Ты ведь понимаешь, что сочинения «медалистов» проверяются в роно...».

И тогда я написала другое сочинение. Кажется, «Гражданская лирика Маяковского», к которой и сейчас равнодушна. Конечно же, это было предательство, едва ли можно оправдать его ссылкой на то, что все мы жили тогда двойной моралью. Диктат в политической жизни, разумеется, не мог не утвердиться и в литературе «социалистического реализма», претендующей на единственно возможное и единственно правильное изображение нашей действительности. И только теперь мы начинаем осознавать, как же она была искажена! Как год от года деформировалось наше сознание, утрачивались вера в собственное «я», право голоса и свобода выбора. И только теперь, свозы «девяты валы» перестроенных бурь, само Время ведет нас к духовному очищению, возрождению преступно отринутых ценностей. Само Время вернуло нам произведения Джавида, Замятина, Платонова, искупает вину перед Ахматовой, Зощенко, Пастернаком, еще не так давно заклейменным «предателем» и «антисоветчиком», «отщепенцем», «сорняком нашей социалистической Родины, охваченной пафосом строительства светлого коммунистического будущего».

Что ж, это светлое буду-

щее мы пока не построили. Зато безжалостно, жестоко расправились с инакомыслящей интеллигенцией, насаждая «культовые» политику и культуру. Не в этом ли одна из главных причин наших сегодняшних бед и трагедий?!

над которым дарила поэту ощущение подлинного счастья. Сам Пастернак не раз признавал своим только написанное в зрелые годы, и очень немногое из своих ранних книг, предав забвению «все остальное». Он настойчиво переделывал себя в

статьей Д. Заславского «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка» появляются отклики читателей (многие из которых и вовсе не читали романа), возмущенных поступком писателя — «политический и морально павшего» и даже якобы получившего деньги из-за границы за этот «политический пасквиль»...

Но и этого словесного поноса «общественности» оказалось недостаточно. И тогда московская писательская организация обращается к правительству с просьбой о лишении Пастернака, этой «паршивой овцы, плюнувшей в лицо своего народа», советского гражданства. Пастернак не мог отказаться от Родины, в которую свято верил и которой честно служил до последних дней своих и потому отправил в Шведскую академию телеграмму об отказе от Нобелевской премии. Только не будем путать разные вещи: он отказался от премии, но никоим образом не от своего Юрия Живаго, от которого был просто неотделим.

Остается только удивляться, как выдержал Пастернак эту открытую политическую травлю. Не «сломался», не «согнулся», остался верен себе и своим идеалам. Понимая, что в те кровавые годы репрессий он в любую минуту мог быть арестован (это не произошло только по счастливой случайности), он не мог и не хотел «по-обыкательски радоваться тому, что сам цел, а другой — нет». Сильный, мужественный, он «гордо скорбел, носил траур, переживал жизнь трагически»...

Как и все устремленные в будущее талантливые личности, он предвидел (не мог не предвидеть) неизбежное торжество справедливости: «Вероятнее всего, через много лет после того, как я умру, выяснится, какими широкими, широчайшими основаниями направлялась моя деятельность последних лет, чем она дышала и питалась, чему служила». И, несмотря на все удары судьбы и человеческую неблагодарность, он верил, очень верил в то, что

«...Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра».

Время это идет. Имя Бориса Пастернака очищается от наветов и клеветы. Он восстановлен в Союзе писателей СССР. Его издают многотысячными тиражами. Но это, увы, не успокаивает. Наследие Мастера, его роль в мировой общечеловеческой культуре еще далеко не восстановлены и не изучены. К сожалению, еще обходят вниманием творчество Пастернака литературоведы нашей респубрики. Во всяком случае в Институте литературы имени Низами мне не смогли показать ни одного труда, связанного с этим именем...

Когда мы говорим сегодня о Пастернаке, то не скупимся на эпитеты «гениальный», «великий»... Но лучше не надо эпитетов. Нужна просто любовь...

Арзу ЗЕЙНАЛОВА.

Вилка - Баку - 1990. - 14 февр.

ПРИЗНАНИЕ

Б. Пастернак

В ЛЮБВИ

Вина Бориса Пастернака была всего лишь в том, что он никак не вписывался в тот круг интеллигенции, что способна была выжить в эпоху лжи и фарисейства, выжить, «наступая на горло собственной песне», а еще чаще — на горло собратьев по перу. И удивительно ли, что этот круг интеллигенции первым облил грязью его «Доктора Живаго» — роман искренний и правдивый, о первой мировой войне, революции, гражданской войне. Роман, который Пастернак вынашивал в себе, можно сказать, всю жизнь, работа

прозаика «дickенсовского толка», все время находясь в состоянии «физической мечты о книге», которая, по его же словам, есть не что иное, как «кубический кусок горячей, дымящейся совести».

Стыдно и горько читать сегодня постановление от 1958 года об исключении Б. Пастернака из членов Союза писателей СССР. За что? За «политический пасквиль», «отравленный антисоветским ядом» роман, еще при его жизни удостоенный высшей международной Нобелевской премии. И вот уже на страницах газет вслед за